

С точки зрения здравого смысла, Цинь Чжэнь вряд ли был настолько скучным человеком, но, вероятно, из-за долгого общения с молодыми людьми его эмоции ненадолго вышли из-под контроля, и он связал перевод денег с Днём дурака.

В конечном итоге он пришёл к наиболее вероятному выводу: Цинь Чжэнь, вероятно, просто ошибся.

Он хотел перевести деньги кому-то другому, но случайно выбрал его счёт.

Цзи Тинсэнь вернул деньги обратно и собирался отправить сообщение, чтобы сообщить об этом.

Комната, где они ранее играли в карты, использовалась съёмочной группой как переговорная. Там было шумно, а ванная была не самой чистой, поэтому Цзи Тинсэнь умылся в своей комнате.

Сейчас он стоял в коридоре, только что завершив перевод, когда к нему подошёл сотрудник, искавший режиссёра. Они обменялись несколькими словами.

Когда он снова взглянул на телефон, Цинь Чжэнь перевёл ещё два миллиона, как будто хотел настоять на своём.

Цзи Тинсэнь не мог понять такое поведение Цинь Чжэня и решил позвонить ему.

Цинь Чжэнь, хмурясь, смотрел на экран телефона, где мигал значок входящего вызова.

Он даже мог представить, как Цзи Тинсэнь в спешке переводил деньги, чтобы искусственно и жёстко установить границы между ними.

Рядом с телефоном лежало рукописное меню, почерк был настолько аккуратным, что даже вызывал жалость.

О чём думал Цзи Тинсэнь, когда писал это?

Тогда, вероятно, это было после инцидента с Лю Туном в отеле, поэтому он, наверное, чувствовал себя подавленным и больным, а позже не смог удержаться от того, чтобы украдкой взять вещи, которыми пользовался Цинь Чжэнь.

Его серо-голубые глаза выражали лёгкое раздражение, не отвращение, а скорее чувство вины.

Он не мог ответить на его чувства, поэтому пытался заполнить эту маленькую яму вины деньгами. По крайней мере, пока она ещё была маленькой.

Когда телефон прозвонил несколько раз, Цинь Чжэнь вздохнул и ответил, не сказав ни слова, но с достаточным терпением.

Учитывая всю эту осторожность, он решил, что может выслушать несколько слов Цзи Тинсэня.

— Я получил ваш перевод. Вы, возможно, ошиблись?

Цинь Чжэнь задохнулся. Он даже не осмелился принять миллион, подумав, что это ошибка. Похоже, в прошлом он действительно был слишком суров. Он смягчил тон:

— Нет, я не ошибся. В этой маленькой съёмочной группе не так уж много денег. Бабушка

недавно сказала, что ты похудел. Условия, еда... Ты понимаешь?

На самом деле это было не из-за бабушки, но чтобы Цзи Тинсэнь не подумал, что у него есть шанс, ему пришлось найти причину.

— ...Мне не нужны деньги. Я верну их позже.

Он не хотел принимать незаслуженные подарки. Между ними всё должно было идти строго по договору. Кроме того, съёмочная группа Фэн Инкай хоть и маленькая, но это всего лишь молодёжный сериал, и нельзя сказать, что она совсем уж плоха. Костюмы для съёмок были даже заказаны по индивидуальному пошиву.

Цинь Чжэнь, конечно, знал, что Цзи Тинсэню не нужны деньги.

Ранее он даже видел, как тот давал своему младшему брату карманные деньги — сразу десять миллионов, и даже произносил громкие слова о том, что в будущем у него будет ещё больше денег. Это было одновременно глупо и мило... нет, скорее смешно.

Его мысли немного отклонились. Он дал деньги, чтобы меню не беспокоило его, просто чтобы купить спокойствие.

Но о меню нельзя было рассказывать Цзи Тинсэню, чтобы тот снова не воспользовался своим положением и не начал делать странные вещи, чтобы привлечь внимание, как это было несколько лет назад, когда он доводил его до бешенства.

У него в голове было много мыслей, но Цинь Чжэнь просто сказал:

— Два миллиона. Если вернёшь, я переведу вдвое больше. Не испытывай моё терпение. Если тебе что-то нужно, обратись к дяде Лай. Не беспокой меня, понятно?

Дядя Лай был управляющим старого особняка, Лай Дэ. Это не транскрипция, его фамилия действительно была «Лай».

Цзи Тинсэнь взглянул на экран телефона. Разговор длился почти десять минут.

Понял, — сказал он и положил трубку.

Увидев, что звонок прерван, Цинь Чжэнь был поражён. Цзи Тинсэнь осмелился повесить трубку!

После удивления пришло лёгкое сожаление. Кажется, он только что был слишком резок и снова сказал, что Цзи Тинсэнь надоедает. Неужели тот расстроился и ушёл в какой-то уголок, чтобы поплакать?

Какая же это проблема!

Теперь чувство вины, казалось, уже не могло быть сглажено двумя миллионами. Он быстро перевёл ещё два миллиона и наконец почувствовал себя лучше.

На съёмочной площадке Фэн Инкай, не дождавшись возвращения Цзи Тинсэня, вышел посмотреть.

В коридоре Цзи Тинсэнь смотрел на телефон, но, казалось, на экране было что-то невероятное, и он даже немного отодвинул его от себя.

— Тинсэнь?

Цзи Тинсэнь очнулся:

— Иду.

Фэн Инкай посмотрел на Цзи Тинсэня. Его лицо было спокойным, не похоже, чтобы он простудился или что-то в этом роде, но он всё же спросил:

— Как самочувствие? Будешь играть?

Сегодня съёмки шли гладко, работа закончилась рано, и все были в хорошем настроении. Цзи Тинсэнь ответил:

— Конечно.

Всего четыре миллиона. Он больше не стал возвращать их, чтобы Цинь Чжэнь снова не перевёл вдвое больше.

Этим вечером они играли в карты примерно до девяти.

Цзи Тинсэнь заказал ужин для всей съёмочной группы. Во-первых, было скучно, а во-вторых, он уже достиг веса, который требовал Фу Цун, и немного набрать было бы неплохо. В конце концов, деньги были под рукой.

Перед ужином он сфотографировал весь стол с едой и отправил фото Цинь Чжэню.

Под фото он написал: [Ужин.]

До самого сна Цинь Чжэнь не ответил.

На следующее утро Цзи Тинсэнь увидел одинокое, как будто проверочное [Хм], отправленное в два часа ночи.

...

Через четырнадцать дней съёмок Цзи Тинсэнь взял отгул у Фэн Инкай.

Ему нужно было вернуться домой. Не ради чего-то особенного, просто зажим для галстука, который он носил с собой, нужно было заменить. В любом случае съёмочная площадка находилась менее чем в двух часах езды от дома, даже с учётом пробок.

Одного дня было достаточно.

Фэн Инкай смотрел на Цзи Тинсэня. Его выразительные черты лица сочетали в себе некую грубость и меланхоличную сексуальность. Он больше походил на актёра, чем на режиссёра:

— Соскучился по семье?

Цзи Тинсэнь не стал отрицать. Это был подходящий повод.

Фэн Инкай улыбнулся:

— Туда и обратно — это трата времени. Почему бы не попросить семью навестить тебя на

съёмках?

— Они заняты, — ответил Цзи Тинсэнь.

На самом деле так и было. Отец Цзи Тинсэня был относительно менее занят, но он сам имел не очень хорошую репутацию в шоу-бизнесе, и подвергать семью огласке было не лучшей идеей.

Но, вспомнив о родителях, младшем брате и заботливой старой госпоже Цинь, он невольно улыбнулся.

Ладно, он также вспомнил о Цинь Чжэне.

Ему снова нужно будет взять что-то у него, даже если это было разрешено. Но те глупости, которые он говорил раньше, оставили глубокий след, и теперь он чувствовал некоторый стыд.

Ладно, пропустим.

Фэн Инкай согласился без колебаний, сказав, что весь следующий день будет свободен.

На самом деле он мог бы отпустить его сейчас или завтра. В съёмочной группе он был главным, и Цзи Тинсэнь мог бы прогулять несколько дней без последствий.

Но семья, и притом занятая семья... Это был Цинь Чжэнь?

Он отложил время на день, как будто хотел немного насолить Цинь Чжэню.

Но внутри ему было не по себе. Когда Цзи Тинсэнь ушёл, он закурил сигарету, но, выкурив половину, бросил её на пол и раздавил.

Вспомнив сплетни, которые рассказывал Гу Чжао, он подумал: «Если бы я был Цинь Чжэнем... Как можно не ценить такое счастье!»

Фэн Инкай слегка опустил голову, его выражение лица было неясным, но помощник режиссёра, случайно заметивший это, невольно почувствовал, как сердце его заколотилось, и больше не осмелился смотреть.

Вероятно, только он один в съёмочной группе знал, что этот молодой человек был далеко не простым человеком.

...

На следующий день на съёмочной площадке.

— Бай Нин, опять ты! Ты, кажется, забыл мозг в постели утром! — Фэн Инкай обычно шутил с членами съёмочной группы, но во время съёмок он был крайне строг и вспыльчив. Ругаться для него было обычным делом.

Однако Бай Нин был хорошим актёром и послушным человеком, и до сих пор он никогда не получал таких суровых выговоров.

Цзи Тинсэнь, глядя на испуганное лицо Бай Нина, почувствовал, что тот, кажется, пережил что-то страшное. Но на съёмочной площадке всё было в порядке. Может быть, ему приснился кошмар?

Но на съёмочной площадке режиссёр был главным, и у Фэн Инкая были свои причины для спешки. Объяснение могло только усложнить ситуацию для режиссёра.

Он взял бутылку воды и подал её Фэн Инкаю:

— Кажется, я что-то не то съел. Инкай, я пойду в туалет.

В предыдущей сцене Цзи Тинсэнь снимался вместе с Бай Нином. Если он шёл в туалет, Бай Нину тоже пришлось бы немного подождать.

Фэн Инкай поправил воротник и громко объявил:

— Все, отдыхаем пятнадцать минут.

Одной рукой он взял воду, а другой обнял Цзи Тинсэня за плечо, не давая ему уйти:

— Хватит, ты всегда такой мягкий. Поболтай со мной, чтобы я немного остыл.

По сравнению со съёмками ему больше нравилось, когда Цзи Тинсэнь был рядом. Даже просто разговаривая, он чувствовал себя хорошо.

Цзи Тинсэнь сел рядом с Фэн Инкаем и стал смотреть на отснятые кадры.

Через пятнадцать минут съёмки продолжились.

Бай Нин немного успокоился, и на этот раз всё прошло с первого дубля.

В обеденный перерыв Бай Нин, как хвостик, следовал за Цзи Тинсэнем:

— Брат Цзи, в следующей сцене нужно обниматься. Могу я сначала попробовать почувствовать это?

<http://bllate.org/book/16159/1447759>